

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая. ОГНИ НАД БЕЛОМОРЬЕМ

Беглец	5
Осада	77
Филиппова пустынь	85
Воевода Мещеринов	122
Тайный лаз	219

Книга вторая. ПРОТОПОП

Каторжанин	260
Путь в Пустозерск	303
С человеками играюсь	331
Огненные корабли	343

Послесловие	350
-------------------	-----

Книга первая

ОГНИ НАД БЕЛОМОРЬЕМ

Беглец

В дверь кельи кто-то тихо постучал. Зосим застонал.
— Да жив ли ты там? — спросил встревоженный монашеский голос.

— Живой вроде, — отозвался отрок.

— Иди, отрок, тебя настоятель зовет.

Тень откинулась от стены.

— Когда зовет-то, отче?

Инок осторожно отворил дверь шире, перешагнул порог кельи и тихо произнес:

— Прямо сейчас иди.

Зосим встал с кровати и повернул голову в сторону маленького окна под самым сводом. По хмурому северному небу медленно плыли тугие серые облака. Сиротливая луна только чуть обрамляла их края холодным светом. Облака проносились мимо, словно волчья стая по лесу, ведущая оленя в засаду. Так и воеводы царские след на него, Зосима, взяли.

Инок тихо исчез, как и появился. Зосим тяжело выдохнул.

— Нужно идти. Если владыка позвал, значит, что-то важное.

Неужто прогонят из обители? В голове беглого разбойника забегали шальные, будоражащие разум мыс-

ли. Ежели владыка из монастыря прогонит, то куда ему теперь? Псы царские на пятки наступают. Насилу вырвался. В Литву не уйти, на дозоры царские нарвешься. Север большой, да не всяк чужака примет. А смертью лютой ой как помирать не хочется. Погулял бы еще, да, видно, Бог свой срок положил. Потому и дорога была одна — сюда, в Соловецкую обитель.

«Надо идти. — Зосим встряхнулся. — Не будет владыка ждать. Не потерпит своенравия и непокорности. В том монашеский долг и состоит: славить Бога, почитать святых и слушаться настоятеля».

Зосим распахнул дверь кельи и вышел в темный мрачный коридор. Своды потолка давили своей тяжестью. Где-то вдали, в своротках мрачных галерей, мелькали отблески факелов. Намозоленные ступни ног ступали на широкие холодные каменные плиты пола.

«Неужто насельники такие глыбы на себе таскали и в стены укладывали?» — Зосим сейчас просто не верил своим глазам.

В первый раз, когда его вели до кельи, он не очень-то обращал внимание на окружающие его строения монастыря. Не до того ему, беглецу, было. Сейчас же, ступая босыми ногами по холодным каменным плитам, он невольно проникался уважением к монашескому подвигу и труду. Это вам не кошельки у зазевавшихся посадских в воскресный день на базаре резать. Тут все было обустроено основательно и разумно.

«Такую твердыню за здорово живешь не взять», — размышлял беглый разбойник.

Справа в темноте коридора мелькнули свет факела и чья-то тень.

— Дорогу-то сам найдешь?

Зосим кивнул:

— Найду, коли сюда нашел.

— Дай-то Бог! — ответила тень и исчезла так же внезапно, как и появилась.

Зосим остановился. Святые отцы али ангелы его сами ведут?

Настоятель Соловецкой обители архимандрит Никанор сидел в деревянном кресле посреди своей кельи. Прикрыв веки, Никанор тяжело дышал. Морщинистые худые кисти чуть вздрагивали, продолжая сжимать в руках Псалтырь. Шаги Зосима он слышал еще издали. Гулкое эхо доносило их до ушей старца.

«Гнать бы его в шею, — сидя в кресле, размышлял архимандрит. — Да неспроста в сей трудный час появился странник у стен обители. Не каждый осилит дорогу до Соловков. Значит, была у отрока причина. А гонимый иль нет, так кто же теперь не гоним. Обезумел Никон. Истинно православный люд гонит. Может, и этот отрок из таких».

— Заходи, отрок... — Никанор поднял одну руку. — Чего у дверей топчешься?

— Робею, владыка, — послышался тихий голос.

Никанор открыл глаза и улыбнулся:

— По тебе и не скажешь, что робкий.

Странник вошел и опустился на лавку у двери.

— Кличут тебя как? — спросил Никанор.

— Зосим я, владыка, — задумчиво ответил странник.

— Имя настоящее не хочешь открыть, — мрачно заметил архимандрит.

— Правду сказал, владыка, — виновато ответил тот.

Никанор тяжело поднялся с кресла и начал зажигать свечи.

— Рассмотреть тебя поближе хочу, отрок, — пояснил владыка. — Иноки говорили, что не в каждом человеке такая сила живет.

Зосим смутился, но ответил:

— Каков есть, владыка; видимо, Бог силу дал, да я не туда употребил.

Никанор согласно кивнул.

— Из дворян али из царских слуг?

Никанор подошел ближе. Теперь архимандрит мог разглядеть стоящего напротив него Зосима. Росту не слишком высокого, но телосложения крепкого. Волосы русые, чуть рыжиной отдают, и борода такая же. Седины нет. Молод, значит. Тем лучше. Нужны в монастыре крепкие трудники и послушники.

— Так какого ты чину, отрок? — неожиданно поинтересовался архимандрит.

— Правду сказать, отче?

— Скажи как есть, отрок, — улыбнулся Никанор.

— А не убоишься, отче? — уже насмешливо ответил Зосим.

— В Божьей обители, под покровом Богородицы грех убояться, — спокойно заметил архимандрит. — Есть у нас иноки, что и покрепче тебя телом будут, и поснововистей в делах воинских. Так что говори, отрок, не бойся. — Никанор поправил тяжелую панагию на груди и вернулся к креслу.

— Разбойник я, отче, — тихо прошипел Зосим. — Как есть разбойник и убивец. С малых лет в лихой ватаге лихоимством промышляю. Разбойничал я на Москве в ватаге Каина Хмурого. Грабил вечерами посадских, бывало, и храмы обносил. Не боялся ни Бога, ни черта.

Никанор тяжело выдохнул и перекрестился. Лик Спасителя явственно проступал из полутьмы кельи, словно укоряя архимандрита за то, что он приютил злодея. Оставил в святой обители. Погасла одна свеча, за ней вслед и другая. Беседа затягивалась.

— Догадывался я, что ты из разбойников и татей, — мрачно заметил Никанор. — Хотел было погнать тебя из монастыря, да времена нынче беспокойные. Монахи говорили, что ты телом и духом силен. А нам в монастыре такие люди нынче надобны.

Зосим невольно покосился на архимандрита и тихо спросил:

— Зачем надобны, владыка, трудников обители не хватает?

Никанор достал из деревянного ящика новую свечу, повертел ее в руках и вставил на место прогоревшей.

Зосим немного освоился в присутствии архимандрита. Страх и благоговение прошли. Появился интерес. Чего владыке от него, вора и разбойника, нужно? Сам же говорил, что прогнать хотел, а вон накось, нужен стал.

Никанор сел обратно в кресло и устался в окно кельи, на какое-то время забыв о присутствии Зосима в его келье. За окном ярко светила луна. Ветер ударял в деревянные ставни, отчего те тихо поскрипывали. Никанор поднял руку.

— Неспокойные времена нынче, — задумчиво произнес он. — Верные люди из Москвы вести недобрые приносили.

— Это какие же? — удивился Зосим.

— Молчи и не перебивай! — рыкнул Никанор. — Слушай далее. Известно ли тебе о расколе, что постиг нашу землю?

Зосим отрицательно помотал головой:

— Не слышал, отче. Знаю только, многих попов царь из Москвы погнал. Еретиками называл.

— То-то же! — кивнул Никанор. — Земля наша кровью обливается. Патриарх Никон древние наши обычаи под нож пустил. Церковь Христову на греческий лад переделать собрался и царя смутил речами бесовскими. Ранее двумя перстами крестились, как предки наши завещали, теперь тремя положено.

Архимандрит взял со стола желтый свиток, развернул его, прочел и перекрестился.

— Вот ты как поклон мне бить собирался? — Никанор повернулся к Зосиму и пристально уставился тому в глаза.

Зосим смутился, но ответил:

— Я, владыка, шеи ни перед кем не гнул — ни перед царем, ни перед патриархом. Но тебе отвечу. Полагается земные поклоны.

Никанор подобрел.

— Правильно, отрок, говоришь. А Никон-патриарх земные отменил, а поясные ввел. Много чего бесовского патриарх Московский Никон устроил. Братии нашей его задумки не по сердцу легли. Потому прежнего архимандрита восвосяи выпроводили, а меня настоятелем сего сирого места поставили. Потому дне и ношно думаю, как от братии и обители беду большую отвести.

— Какая же беда, отче? — удивился Зосим. — Разве посмеет кто на Божью обитель руку поднять?

— Видать, посмеют, — хрипло произнес Никанор. — Царь стрельцов посылает на усмирение обители. — Никанор выдохнул: — Недолго им идти осталось.

Зосим от удивления раскрыл глаза.

— Да что ты такое говоришь, владыка? Не бывало такого ранее. Я, хоть и вор да разбойник, и то такой дерзости не помыслю.

Архимандрит взял со стола кувшин и налил что-то в кружку.

— Болен я стал! — тихо пожаловался Никанор. — Выдержу ли?

Выпив содержимое, Никанор выпрямился и твердо произнес:

— Ты вот не помыслишь, а царь наш с патриархом своим помыслили. Ежели нового настоятеля не примем и по их чину служить не будем, будут ироды штурмом обитель брать.

Зосим ужаснулся. Все, что сейчас ему поведал архимандрит, не укладывалось у него в голове. Он, вор и разбойник Зосим, бежал в Соловецкий монастырь, чтобы уйти от царских гончих. Укрыться на время. Пересидеть. А оно вон как выходит. Сам залез в самое пекло. Ему какое дело до распрей царевых? А вон наось, в самое

пекло судьбинушка закинула. Бежать из монастыря. А куда? Это только кажется, что Русь большая. Везде царевы руки дотянулись. Может, и не возьмут стрельцы обитель? Руки коротки. Стены вон какие.

Никанор тихо наблюдал за размышлениями Зосима.

«Пущай подумает, может, и удумает чего доброго. Теперича в одной лодке с насельниками. Глядишь, и службу добрую монастырю сослужит».

Зосим очнулся от будоражащих сердце мыслей.

— О грехах твоих после поговорим, — успокоил его Никанор. — Ни с кем еще так не откровенничал, — добавил он, глядя в окно кельи. — В трудниках в такое время грех тебе быть. Найдешь игумена Иону. Он из братии ратников собирает. Стрельцы царские подойдут, будете стены монастырские держать.

Никанор улыбнулся. Но Зосиму показалось, что улыбнулся архимандрит как-то язвительно, с усмешкой.

— Таишь что-то, владыка, — дерзнул Зосим. — Али не доверяешь, али насмехаешься.

Никанор рассмеялся.

— В другом дело, — язвительно заметил владыка.

Зосим совсем растерялся.

— До того как царское войско придет, в монастырь сойдутся холопы с окрестных деревень на островах под защиту святой обители, и девки красные там будут. Смотри мне! — Никанор погрозил пальцем. — Девок на глазах братии не трогать. Знаю я вашего брата лихого.

Зосим истово перекрестился:

— Как можно, владыка, в такое время. Не до девок будет, коли стрельцы пожалуют. С меня первого шкуру спустят, коли прознают.

— Так и дерись, как архангел Михаил. На том тебе мое благословение будет. — Никанор протянул руку. — Ступай, отрок, отдыхай. Работа твоя — сил набираться; ежели нужно будет, братию обучай.

Коломенский дворец погрузился в полуденную дрему. Даже большие черные мухи, еще утром резво бегущие по деревянному подоконнику черными ножками, сейчас ползали как-то вяло и неохотно. Солнце било яркими лучами прямо в окна, разнося по тронному залу нестерпимый зной. На резной скамье у толстых дубовых дверей сидел грузный человек в монашеском одеянии с большой золотой панагией на толстой цепи. Он что-то бурчал про себя, вытирал белым платком пот со лба, но не уходил. Из его бурчания можно было разобрать всего лишь несколько слов: «аки пекло» и «еретики».

Постельничий царя Алексея Михайловича Федор Ртищев тихо приоткрыл дверь в тронный зал и крадучись скользнул вовнутрь. За полы его кафтана ухватила чья-то крепкая рука. Ртищев дернулся и оглянулся. На скамье у самого входа сидел патриарх Никон. Лицо патриарха разморилось от жары и сделалось красным, словно яблоки в царском саду Коломенского.

— Ты чего сидишь, владыка? — растерянно пробурчал Ртищев.

Он совершенно не ожидал увидеть во дворце патриарха, да еще в полуденный час. Ртищев знал, что патриарх прибыл в Коломенское, но надеялся, что, узнав о государственной охоте, Никон сей же час отбудет в свою резиденцию.

Никон же в ответ искося взглянул на царского постельничего.

— Жду, пока государь выйдет.

— Дело важное, владыка? — не унимался Ртищев.

— Дел много, а какое важнее, государь решит.

— Так почивать он лег, владыка. С охоты соколиной приехал государь, так ко сну отходить стал. Насилу раздели. Умаялся.

Никон кивнул:

— Я вон вижу, что умаялись. Весь дворец Коломенский спит.

— Так полдень, владыка, не грех, — пробухтел Ртищев.

— Знаю, что не грех, однако и у меня время не терпит.

— Ну, жди тогда, владыка. Может, велишь квасу тебе подать?

— Велю, — довольно пробухтел патриарх.

— Это мы мигом! — Ртищев скрылся в дверях.

— Вот срамота-то какая, в государстве еретик на еретике сидит, да таким же погоняет, а они спать удумали. Запах цветущих яблонь ударил в нос Никону.

— Хорошо, что из Москвы переехали. Душно там и дурно. — Алексей Михайлович накинул на плечи домашний халат, подаренный ему персидским шахом, и сел у открытого окна. Перед ним тут же возникла фигура Ртищева с широкой улыбкой на лице. По лицу царя можно было увидеть, что государь хорошо отдохнул после охоты и находится в благостном расположении духа. Грех тревожить его мирскими делами. Но патриарх не ушел. Никон продолжал сидеть на скамье в одном из царских покоев. Ртищев заметил по лицу патриарха, что разговор у него с царем будет долгим и трудным. А как ему не хотелось разрушать это благолепие.

«Приперся Никон с делами!» — про себя выругался Ртищев. Он хорошо знал, что после разговоров с патриархом у государя бывает скверное настроение. Ломал новый патриарх Русь наживую. Кости выворачивал своими устремлениями. Только вздохнул народишко после Смуты великой, обтесался, детишек нарожал. Ему бы крепнуть да крепнуть, а тут Никон со своими реформами церковными.

Царь втянул ноздрями воздух:

— Пахнет-то как, Федя. Не зря сад обихаживали.

Ртищев довольно закивал:

— Не зря, государь, не зря.